

УДК 327

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И.В. Халанский

Рассматриваются концептуальные возможности реализма и либерализма в рамках современной теории международной безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность; теория; реализм; либерализм.

THE QUESTION OF THEORETICAL APPROACHES OF INTERNATIONAL SECURITY

I. V. Halanskii

It reviews the conceptual possibilities of realism and liberalism in the framework of the modern theory of international security.

Key words: international security, theory, realism, liberalism.

Международная безопасность является важнейшей характеристикой международных отношений. С институциональной точки зрения, международная безопасность представляет собой систему совместных действий государств, предпринимаемых для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира.

В настоящее время многие аналитики говорят о кризисе глобальной и региональной систем поддержания международной безопасности, проявляющемся в снижении их роли и переходе к применению вооруженных сил на основании решений отдельных государств, что оценивается как опасная тенденция, в перспективе способная существенно уменьшить значение и эффективность политических инструментов разрешения кризисных ситуаций и значительно понизить порог применения военной силы.

Оценка степени и способов обеспечения международной безопасности, а также рекомендации по ее построению зависят от теоретических подходов различных исследовательских школ к пониманию природы и характера международных отношений. Для того, чтобы определиться с методологической основой проблемы, необходимо рассмотреть концептуальные возможности двух основных подходов современной политической науки: реалистского (включающую классический реализм и неореализм) и либералистского (традиционный идеализм и неолиберализм).

Реалистский подход в течение длительного периода времени занимал господствующее положение в теории и практике международных отношений, поскольку отражал соотношение сил в мире после Второй мировой войны, в период холодной войны и конфронтации сторон в биполярном мире. Суть реалистского подхода заключается в понимании мировой политики как бескомпромиссной борьбы государств за власть.

Как отмечает С. Уолт, «столь долгое доминирование парадигмы определялось тем, что реализм выдвигал простые, но весомые объяснения войны, создания альянсов, империализма, препятствий для сотрудничества и других международных явлений, а также потому, что его акцент на конкуренции соответствовал центральным событиям американо-советских отношений» [1].

Основными для теории политического реализма, одним из самых авторитетных представителей которой является Г. Моргентау, выступают «понятие интереса, определенного в терминах власти», и связанные с ним понятия баланса сил, геополитической стратегии и т. п. «Международная политика, подобно любой другой политике, есть борьба за власть; какой бы ни была конечная цель международной политики, ее непосредственной целью всегда является власть» [2, с. 24], – пишет Г. Моргентау.

Согласно англосаксонскому пониманию политического реализма, принципиальными дей-

ствующими акторами на мировой арене являются суверенные государства, поведение которых обусловлено анархией [3], или отсутствием всемирного правительства. В этой ситуации каждое государство вынуждено предпринимать самостоятельные меры для обеспечения своей безопасности, бороться за рост своего влияния в мире во имя реализации национального интереса. Одним из средств борьбы выступает эффективная дипломатия, но решающее слово остается за военной силой.

В рамках указанного подхода главным является изучение межгосударственных конфликтов и войн, а ее центральной проблемой – проблема безопасности. При этом безопасность рассматривается, прежде всего, в ее военно-силовом и государственно-центристском виде. В этом случае внимание концентрируется на “дилемме безопасности” [4, с. 28], в соответствии с которой чем большей безопасности добивается для себя одно государство (или один союз государств), тем в меньшей безопасности оказывается другое государство (или союз).

“Дилемма безопасности” разрабатывалась в рамках теории политического реализма, принципы которого были сформулированы Г. Моргентау в работе 1948 г. “Политические отношения между государствами. Борьба за власть и мир” [5, с. 36]. Классический реализм основывался на идее о том, что поведение государства подобно поведению человека, эгоистичного по своей природе. Таким образом, утверждалось, что внешняя политика государств и международные отношения в целом определяются эгоистичной природой государств, стремящихся к господству.

Ключевые положения теории состоят в том, что “сила – это фундаментальное преимущество в международных отношениях, национальные интересы – ведущие принципы политиков, баланс сил – средство реализации данных интересов без ведения войны и государства – единственно значимые акторы в этой великой драме” [6, с. 29].

В теории международных отношений “дилемма безопасности” объясняет поведение государств мерами самопомощи, используемой ради безопасности и процветания в анархической международной системе. При отсутствии институтов, способных контролировать соблюдение норм международного права, государства стремятся к присвоению большей власти и повышению таким путем уровня своей безопасности.

“Дилемма безопасности” возникает потому, что государство воспринимает меры защиты другого государства как угрозу своей безопасности и реагирует соответствующим образом. По мнению Ю. Давыдова, “дилемма безопасности” предполагает, что спираль “действие – противодействие” может рас-

кручиваться двумя или несколькими странами таким образом, что каждая из них, затрачивая все больше усилий и суммы на оборону, не повышает уровень своей безопасности, а, возможно, снижает его. Все вертится быстрее, но защищенность остается прежней, либо даже уменьшается” [7, с. 21]. Логика “дилеммы безопасности” заключается в том, что в намерения государств, стремящихся к безопасности, не входило создание для себя внешних угроз.

Приверженцы парадигмы классического политического реализма исходили из того, что невозможно построение международного порядка, основанного на правовых нормах, коллективной безопасности и решающей роли наднациональных организаций [8, с. 8]. Никто, кроме самого государства (в лице его политического руководства), не заинтересован в его безопасности, укрепление которой – а, следовательно, и усиление государства, его власти как способности оказывать влияние на другие государства – остается главным элементом его национальных интересов.

По мнению реалистов, в обществе, в котором отсутствует верховная власть, главная функция закона заключается в содействии установлению верховенства силы и иерархии, основанной на применении власти. И во многих случаях международное право служит именно этим целям. Подобное может быть сказано и относительно международной морали: государство видит ее главное назначение не в том, чтобы она контролировала его собственное поведение, а в том, чтобы служила силовым оружием против потенциальных и реальных врагов [9].

Не отрицая необходимости создания гармоничного и мирного международного порядка, основанного на демократии, универсальных ценностях и верховенстве права, политические реалисты настаивали на том, что в современном мире одной из главных особенностей международной политики является постоянное стремление великих держав к сохранению существующей на мировой арене ситуации – в том случае, если они считают ее благоприятной для своих интересов, или же – к ее изменению в свою пользу, если она воспринимается как противоречащая таким интересам. В свою очередь, это приводит к особой конфигурации международных отношений, называемой балансом сил, и, соответственно, к политике, направленной на поддержание этого баланса [10].

Таким образом, основными закономерностями международных отношений согласно теории политического реализма являются: бесспорная и приоритетная роль государства как главного и, по сути, единственного международного актора; обусловленность внешней политики государств национальными интересами; сила (прежде всего

военная) как главный инструмент достижения целей; решающая роль великих держав в мировой политике; баланс сил как средство поддержания международной стабильности и главный регулятор международного порядка [11].

Концепции и принципы классического реализма в середине XX в. перестали позволять давать удовлетворительные объяснения новым явлениям в международных отношениях, прежде всего, таким как развитие международного сотрудничества и интеграционных тенденций.

С окончанием холодной войны авторитет политического реализма был серьезно поколеблен. Некоторые из представителей реализма даже стали называть себя “либеральными реалистами”, или же “утопическими реалистами”, показывая тем самым готовность к определенному пересмотру ряда положений реалистической парадигмы, в том числе и положения об анархичности природы международных отношений.

Не подвергая сомнению реалистический тезис о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене, сторонники либеральной парадигмы в то же время считают, что в целом природа международных отношений меняется на сторону “зрелой анархии”, в рамках которой западные либерально-демократические государства способны играть роль гаранта международной безопасности, а достижения прогресса становятся доступными для всех, в том числе слабых государств и рядовых индивидов.

С точки зрения сторонников либеральной парадигмы, отношения между развитыми демократическими странами Азии, Северной Америки, Океании и Западной Европы трудно характеризовать как строящиеся по принципу “помоги себе сам”. Многие якобы неизбежные последствия анархии были по большей части преодолены благодаря целому комплексу институтов, которые управляют межгосударственными отношениями и обеспечивают механизмы принятия решений. Эти институты отражают существование межгосударственного консенсуса и помогают поддерживать его, используя взаимные консультации и компромиссы, смягчающие последствия фактического неравенства государств [12].

Более того, некоторые из неолибералов полагали, что наступил момент для нового витка в развитии мирового сообщества, и что с прекращением борьбы Запада с Востоком наконец-то стало возможным развитие международных отношений на основе идеалистических концепций. Идеи сотрудничества, по их мнению, имеют больше шансов на успех, чем классические взгляды реалистов на конфликт [13].

Другие сторонники либеральной парадигмы стремились исследовать характер и долговременные

тенденции происходящих изменений. Так, Дж. Розену подчеркивал, что в рамках возникающей сегодня новой, “постмеждународной” политики контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому. На наших глазах рождается и уже существует наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий “второй, полицентричный” мир, мир “постмеждународных” отношений. Он характеризуется хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, возникновением новых авторитетов, переориентацией лояльностей [14]. При этом базовые структуры “постмеждународных” отношений как бы расщепляются между этатистским и полицентрическим мирами, которые влияют друг на друга, но не находят и не могут найти подлинного примирения между собой.

Однако критики либерализма указывают, что если тот факт, что западные демократии не имеют никакого желания сражаться друг с другом, возможно, отчасти подтверждает тезис о “зрелой анархии”, то это не относится к отношениям между ними и остальным миром. Они подчеркивают отсутствие каких-либо гарантий того, что богатые и сильные демократические державы станут помогать более слабым государствам в других регионах, когда возникнет угроза их безопасности.

Проблема закономерностей международных отношений остается одной из наиболее дискуссионных в науке. С точки зрения неолибералов, эти закономерности никогда не были бесспорными, а в последние десятилетия и вовсе утратили свою достоверность. Как считает Дж. Най, сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают гораздо большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной [15, с. 39]. Б. Бади и М.-К. Смутс пишут, что мир 90-х годов находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективно влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения. Современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Кра-

еугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как “безопасность”, “территориальная неприкосновенность”, “государственный суверенитет”, “лояльность власти”, либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение [16, с. 47–52].

Основой всех этих новых тенденций в международных отношениях является закономерность возрастающей взаимозависимости мира под влиянием микроэлектронной революции, революции в средствах связи, транспорта и коммуникации. Результатом становится вторжение в сферу мировой политики новых, нетрадиционных акторов – неправительственных организаций [17], финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков, мафиозных структур и рядовых индивидов [18]. Государства уже не могут, как прежде, контролировать их деятельность, которая все чаще осуществляется в обход государственного суверенитета и вопреки ему. Поэтому монополия государства в международных отношениях разрушается, хотя оно продолжает претендовать на нее. Геостратегические приоритеты теряют смысл. Внутренняя и международная политика становятся все более взаимопроницаемыми, граница между ними стирается. Сужение полномочий национальных правительств, эрозия силовых отношений в международных отношениях и увеличение числа и многообразия “акторов вне суверенитета” создают новую картину взаимодействий на мировой арене. Международные отношения становятся все более транснациональными и все менее управляемыми. Отсюда сформулированный М. Никольсоном “парадокс участия”. Он состоит в том, что чем меньше количество и степень разнородности участников международных взаимодействий, тем более упорядоченной является система международных отношений и тем более предсказуемы действия отдельных участников и их последствия. Если же международные отношения пополняются новыми участниками, то прогноз, а, следовательно, и совершение эффективных действий становятся все более трудными [19, с. 211].

Итак, взаимозависимость и транснационализация международных отношений; утрата государством его прежней роли “законодателя мод” во взаимодействиях на мировой арене; упадок значения силы, а, следовательно, и баланса сил как регулятора этих взаимодействий; рост числа и многообразия “акторов вне суверенитета” и обусловленный им “парадокс участия”; стирание границ между внутренней и международной политикой – таков идейный вклад “транснационализма” в познание закономерностей международных отношений.

Еще одна теоретическая заслуга сторонников либеральной парадигмы заключается в выявлении такой структурной характеристики международной системы, как ее “режим” [20], т. е. совокупность регулирующих международных отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых в 40-х гг. XX в. стала либеральная концепция, давшая жизнь совокупности таких международных институтов, как МВФ, ВБ, ВТО и др.

Проведенный обзор основных парадигм политической науки, формирование которых обусловлено объективными причинами, в частности, изменениями в структуре и характере международных отношений, приводит к выводу о том, что концептуальные подходы к их осмыслению постоянно развиваются, оказывая при этом влияние друг на друга.

Литература

1. *Walt S. M.*, International relations: one world, many theories // Foreign Policy. 1998. Spring.
2. *Моргентау Г.* Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997.
3. *Bull H.* The Anarchical Society. A Study Order in World Politics. New-York, 1977.
4. *Posen B.* The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Survival. 1993. Vol. 35(1).
5. *Моргентау Г.* Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997.
6. *Nelson D.N.* Great powers and world peace // World security: Challenges for a new century. N.Y., 1994.
7. *Давыдов Ю.П.* Нормы против силы / Ю.П. Давыдов. М., 2002. С. 21.
8. *Cooper R.* Is there a New World Order? // Prospects for Global Order / Ed. by Seizaburo Sato and Trevor Taylor. Vol. 2. London, 1993.
9. International Order and the Future of World Politics / T.V. Paul and J. Hall (eds). Cambridge. New-York: Cambridge University Press, 1999.
10. Баланс сил в мировой политике: теория и практика / под ред. Э.А. Позднякова. М., 1993; Waterman H. Political order and the Settlement of Civil Wars. N.Y., 1993.
11. *Цыганков П.А.* Международные отношения / П.А. Цыганков. М., 1996.
12. Governance in a Globalizing World / J. Nye and J. Donahue (eds). Washington: Brookings Institution Press, 2000.
13. The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis / J. Campbell and O. Pedersen (eds). Princeton: Princeton University Press, 2001.
14. *Розенау Дж.* Мировая политика в движении: теория изменений и преемственности / Дж. Розенау. М., 1992.

15. *Най Дж. (младший)*. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика / Дж. Най (младший) // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12.
16. *Booth K. and Smith S. (eds.)*. *Theory of International Relations today*. Oxford, 1995.
17. *Irie A.* *Global Community. The Role of International Organizations in the Making of the Contemporary World*. Berkeley: University of California Press, 2002.
18. *Жирар М.* и др. *Индивиды в международной политике* / М. Жирар и др. М., 1996.
19. *Политическая наука: новые направления*. М., 1999. С. 211.
20. *Globalization and Human Rights* / A. Brysk (ed). Berkeley, 2002.